

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ

«Языковая картина мира»: трактовка понятия

Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим?

Можно, конечно, утверждать, что понятие языковая картина мира относится к числу тех «широких» понятий, обоснование применения которых не является обязательным, а еще точнее — является само собой разумеющимся. Ведь немного найдется таких исследователей, которые начинали бы свою работу в области, например, морфологии определением своего понимания сущности языка, хотя вполне понятно, что употреблять слово «язык» по ходу изложения им придется неоднократно. Более того, если их спросить, что такое язык, многие не сразу смогут на этот вопрос ответить. Причем качество данной конкретной работы совершенно не обязательно будет напрямую связано со способностью ее автора истолковать смысл употребляемых понятий.

Однако, относя понятие «языковая картина мира» к числу таких исходных понятий лингвистики, как «язык», «речь», «слово» и им подобных, следует иметь в виду одно существенное обстоятельство. Все перечисленные понятия можно употреблять в качестве до опре-

деленной степени «само собой разумеющихся», в некотором смысле «априорных», потому что им посвящена

огромная литература, они как бы отшлифованы употреблением великих авторитетов, сложивших немало копий в спорах об их сущности. Именно поэтому часто достаточно бывает не давать своего определения такого понятия, а просто сослаться на одно из авторитетных его определений.

Некоторое равнодушие или, если угодно, хладнокровие лингвистов к этой стороне вопроса должно иметь и, конечно, имеет свое рациональное объяснение. Одно из них сводится к следующему. Выражение «языковая картина мира» по сути своей до сего дня не терминологично, оно употребляется как пусть и удачная, но все же метафора, а давать определения метафорическому выражению — это, вообще-то говоря, дело неблагодарное. В той же области, где слово «картина» употребляется терминологически (а именно в искусствознании), отношение к нему, конечно, совсем иное и баталии вокруг его понятийного содержания могут быть не менее жаркими, чем вокруг содержания термина «слово» в языкознании.

И все же сам факт обостренного интереса языковедов к проблемам, так или иначе связываемым с картиной мира, свидетельствует о том, что этим выражением обозначается нечто относящееся к основам, определяющее сущность языка, а точнее — воспринимаемое как определяющее его сущность «сейчас», то есть на со-

временном этапе развития науки о языке (возможно, впрочем, что и «здесь», то есть в науке «западного» ареала в широком понимании этого слова).

То, что в сознание лингвистов постепенно (и до определенной степени неосознанно) входит некий новый архетип, предопределяющий направление всей совокупности языковедческих штудий, кажется достаточно очевидным. Можно, перефразируя название одной из статей Мартина Хайдеггера, сказать, что для науки о языке наступило «время языковой картины мира». А если еще больше конкретизировать характеристику момента, то и время углубленного рефлексирования по поводу содержания самого понятия «языковая картина мира», на наш взгляд, уже пришло.

Выражение «языковая картина мира» говорит о том, что могут существовать и другие способы его картинного представления, а в основе всех этих способов лежит сама возможность представления мира как картины. «Представить мир как картину» — что, собственно, это значит? Что в этом выражении есть мир, что есть картина и кто осуществляет представление мира в виде картины? Ответы на все эти вопросы попытался дать Мартин Хайдеггер в своей статье «Время картины мира», опубликованной впервые в 1950 г.¹ Основу этой статьи составил доклад «Обоснование новоевропейской картины мира метафизикой», прочитанный философом еще в 1938 г. Мысли Хайдеггера, высказанные в этом докладе, значительно опередили последующие дискуссии в науковедении о существовании общенаучной картины мира и несколько не утратили своей значимости и в наше время.

По Хайдеггеру, в выражении «картина мира» мир выступает «как обозначение сущего в целом»². Причем это имя «не ограничено космосом, природой. К миру относится и история. И все-таки даже природа, история и обе они вместе в их подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру»³.

Картина мира — это не просто изображение мира, не нечто срисованное: «Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины»⁴. По Хайдеггеру, «где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому соответственно хочет преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой»⁵, причем представить его во всем, что ему присуще и его составляет, как систему.

Задавая вопрос, каждая ли эпоха истории имеет собственную картину мира и каждый раз озабочена построением своей картины мира, Хайдеггер отвечает на него отрицательно. Картина мира возможна только там и тогда, где и когда бытие сущего «ищут и находят в представленности сущего»⁶. Поскольку такое истолкование сущего невозможно ни для Средневековья, ни для Античности, постольку и невозможно говорить о средневековой и античной картине мира. Превращение мира в картину — это отличительная черта Нового времени, новоевропейского взгляда на мир. Причем, и это очень важно, «превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в *subiectum*»⁷.

Следствием скрещивания этих двух процессов, т. е. превращения мира в картину, а человека в субъект, является характерное для Нового времени превращение науки о мире в науку о человеке, то есть в антропологию, понимаемую как такое философское истолкование человека, «когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку»⁸. С этим связано и возникновение с конца XVIII века слова «мировоззрение» как обозначения позиции человека посреди сущего, «когда человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения всеобщей точки отсчета»⁹.

Эти положения, как кажется, никто из писавших о картине мира позже не опроверг (или не пытался опровергнуть, что, впрочем, в данном случае одно и то же). Поэтому, хотим мы этого или нет, в дальнейших рассуждениях

просто необходимо опираться на них как на единственную философскую основу.

Следовательно, говоря о понятии «картина мира», мы должны иметь в виду его ограниченность рамками того исторического периода, который получил название Нового времени и который продолжает длиться. Сложнее обстоит дело с его территориальной соотношенностью. Хайдеггер пишет о европейской природе этого понятия, подразумевая, конечно, не только собственно Европу, но и Америку, и другие регионы, вовлеченные или вовлекающиеся в сферу новоевропейской цивилизации. А насколько можно считать этот тип цивилизации сегодня универсальным, «всемирным» — вопрос, требующий особого обсуждения. И только после ответа на него станет возможным достаточно корректно, не впадая в противоречия, говорить о новоевропейской и, например, об азиатской картине мира как о сущностях одной природы.

Так же осторожно следует, очевидно, использовать и такие выражения, как архаичная, или древнегерманская, или балто-славянская картина мира. И дело тут не столько в том, что в этих случаях следует специально оговаривать вкладываемое в эти понятия особое содержание, сколько в том, что вложить это содержание в термин «картина», похоже, принципиально невозможно. Речь здесь идет о совершенно иных отношениях, связывающих человека и мир как сущее, и определяться они должны иными способами. Повторим еще раз вслед за Хайдеггером: где нет человека как субъекта в декартовском понимании этого слова, там нет и не может быть мира как предстоящей ему картины.

Делу, как кажется, мало могут помочь и такие уточняющие приемы, как противопоставление научной и наивной картины мира, поскольку и в первом, и во втором выражении

фигурирует понятие «картина», а именно оно-то и определяет в данном случае особый, новоевропейский по существу способ восприятия мира, который, конечно, может иметь свои разновидности, в том числе и противопоставленные по параметру большей — меньшей научности или «наивности».

Вполне допустимо говорить не об античной или средневековой картине мира, а о картине средневекового или античного мира, так как в этом случае мы пытаемся с нашей нынешней позиции субъекта описать, изобразить мир таким, каким он был (по нашему опять же мнению) в Средние века или в Древнем мире. Если же мы говорим о том, как воспринимал мир человек Средневековья или Античности, то навязывать ему наше представление мира как картины будет явным анахронизмом.

Картина мира представляет собой частный, исторически обусловленный способ того универсального явления, которое можно назвать моделированием мира в семиотическом понимании этого слова. Картина мира — это его модель, но не любая модель мира является картиной. Типология моделей мира отсутствует, поэтому и происходят различные *qui pro quo*, когда одним и тем же термином обозначаются типы моделей не только несхожие, то и принципиально различающиеся между собой.

¹ См.: Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a. M., 1950. S. 69–104.

² <http://www.philosophy.ru/library/heideg/time-pict-world.html>

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.